

Постклассическая антропологическая теория права в систематическом изложении В.И. Павлова. Рецензия на учебное пособие Павлова В.И. «Проблемы теории государства и права». — Минск: Академия МВД, 2017. — 262 с.

Честнов И.Л.,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
СПб юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ
E-mail: ilchestnov@yandex.ru

Аннотация. В статье дается реферативное изложение основных положений учебного пособия В.И. Павлова «Проблемы теории государства и права». Особый интерес представляет авторская концепция постклассической антропологии права. В работе подробно излагается постклассическое правопонимание. Антропология права раскрывается как человеческое измерение права. Важно, что автор показывает возможности применения своей концепции на практике.

Ключевые слова: постклассическая антропология права, теория государства и права, классическая и постклассическая методология права, правопонимание, личность, человек в праве, правоотношение, субъект права.

Сегодня на наших глазах происходит трансформация классической юриспруденции в не- или постклассическую. Очевидно, что в эпоху информационного, постиндустриального «глокализирующегося» социума старые подходы к осмыслению правовой реальности должны быть пересмотрены. Один из проектов такого переосмысления общеправовых постулатов классической юриспруденции предлагает белорусский теоретик права Вадим Иванович Павлов. Он известен своими исследованиями, посвященными постклассической методологии права, «смерти субъекта права», оригинальной концепции синергичного антропологического правопонимания. Результаты более чем десятилетних размышлений автора над проблемами теории права с позиций постклассического антропологического подхода изложены в учебном пособии «Проблемы теории государства и права» (Минск: Академия МВД, 2017). Полагаю, что отечественному читателю полезно ознакомление с этим оригинальным трудом (или хотя бы с его основными положениями), тем более, что тираж издания (это беда многих научных и учебных трудов в постсовременном обществе потребления) не позволяет, к большому сожалению, надеяться на его широкую доступность. Ниже предлагается реферативное изложение наиболее важных положений данной работы с некоторыми комментариями.

В рецензируемом учебном пособии показан круг проблем современного фундаментального правоведения, однако основное внимание автор

уделяет эпистемологическим вопросам, проводя сравнительный анализ классических и постклассических методологических подходов, существующих в современном общетеоретическом правоведении, а также сопоставляя правовые концепции, соответствующие данным подходам.

В первой главе автор излагает свое видение методологического статуса теории государства и права через анализ и сопоставление классической и постклассической методологии современной юридической науки. В ней рассматриваются проблемы формирования и развития теории государства и права в контексте становления континентальной юридической догматики и преемственности правовых традиций (с. 7-24), методологический статус теории государства и права в системе юридического знания; проводится сопоставление типов научной рациональности и типов правопонимания (с. 25-32); сформулированы различия классической и постклассической методологии современной юридической науки; показаны перспективы развития юридического знания в контексте постклассики (с. 33-40). В данной главе, в частности, показана эволюция общеправового правоведения от юридической догматики к общей теории права. Постулируя, что «в общей теории права догматика выступает не только в качестве юридической техники, но неявным образом она воспроизводит структуры политики и философии права юридического концептуализма, что обусловлено жесткой зависимостью политики права от техники права», автор формулирует

очень интересную и важную мысль: как бы ни менялась политика и философия права, какие бы философско-правовые концепции ни предлагали правоведы, аппарат теории права обеспечивает воспроизводство догматического стиля правового мышления, по крайней мере, юридическая практика полностью полагается именно на него. Выйти за рамки догматического способа правового представления оказывается сложно, поскольку сам язык права догматичен.

В такой методологической ситуации одним из самых важных вопросов современной теоретической юриспруденции является ревизия догматизма, деконструкция догматического строения языка права, его аппарата, что означает не отказ от порядка, логичности и четкости в правовом познании, но перепроверку сложившихся и воспринимаемых как должных догматических юридических понятий и конструкций с целью определения их продуктивности по отношению к актуальной правовой действительности» (с. 11). Отсюда принципиальный вывод, которым трудно не согласится: **«Догма права — это скрытая правовая политика классической общей теории права»** (с. 11). *(Здесь и далее все выделения и курсивы — из цит. текста).*

Анализ догматического метода, доминирующего в языке современной юриспруденции, позволяет автору утверждать, что именно он «создает предпосылки для сохранения тенденции превалирования формально-логического над практическим, способствуя отходу на второй план потребностям самой жизни. Именно сам аппарат правоведения — система сложившихся формально-логических понятий, структур, составов, конструкций и т.п., которыми специалисты оперируют как нейтральными юридическими инструментами, — в действительности нередко воплощает приоритет отвлеченного «юридического искусства» над жизнью, создавая препятствие в виде неизменного, объективно данного компендиума догматических положений и на уровне общей теории права, и в отраслевых теориях (теории уголовного права, процесса, гражданского права и т.д.). В отраслевых юридических науках эта тенденция проявляется особенно очевидно. Своей функциональной организацией, которая на первый взгляд представляется естественной, единственно возможной формой освоения реальности права, догма блокирует выход за пределы ее соответствующего представления, тем самым сужая исследовательский поиск нового способа формулирования того или иного элемента правовой реальности вследствие сохранения устоявшегося языка права и дани научной традиции». (с. 12). Отсюда справедлив призыв В.И. Павлова к «перепроверке догматических конструкций» с целью определения их социальной эффективности и антропологической значи-

мости. В качестве примера такого рода догматических конструкций автор приводит следующие:

- а) абсолютное и относительное правоотношение;
- б) момент начала и окончания того или иного правового явления (ответственности, правоотношения и т.д.);
- в) реализацию права в правоотношениях либо вне их;
- г) фактические составы, фикции, презумпции, дефиниции, модели процессов, логику их построения, иные теоретические конструкции, под прикрытием аксиоматичности общей теории права нередко препятствующие становлению новых юридических форм фиксации динамичной правовой жизни (с. 13).

Анализируя методологический статус теории государства и права в системе юридического знания, автор заявляет: «Современное состояние теории государства и права таково, что ее общеметодологическая функция пока не может быть в полной мере реализована по ряду объективных причин» (с. 26). Главной из них В.И. Павлов считает, с чем, с моей точки зрения, нельзя не согласиться, общий кризис классической рациональности.

Чрезвычайно важным и интересным представляется анализ автором соотношения типов научной рациональности и типов правопонимания (с. 27-31). Тип правопонимания задается типом научной рациональности — классическим, неклассическим или постнеклассическим. «Исследователь, — пишет В.И. Павлов, — избирая тот или иной тип правопонимания, соотносит его с условиями формирования конкретного типа научной рациональности, в рамках которого используется определенная методологическая программа. Сейчас в юриспруденции возможно работать в рамках классики или неклассики, хотя нынешнее время соответствует скорее постнеклассическому типу научной рациональности. Каждый тип научной рациональности имеет свои границы, собственный формат познания и пределы валидности» (с. 31).

Формирование постнеклассического типа рациональности и, соответственно, нового типа правопонимания автор связывает с методологическим кризисом западного гуманитарного знания во второй половине XX в., который может быть обозначен как «кризис классической методологии эпохи Нового времени. Он заключается в окончании господства классического новоевропейского познания и переходе от классического к постклассическому мышлению, у истоков которого стояли такие мыслители, как Э. Гуссерль, Ф. Ницше, М. Хайдеггер; позднее его представителями оказалась практически вся «левая» мысль, особенно французские интеллектуалы Р. Барт, Ж.

Бодрийар, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Лакан, М. Фуко и др.» (с. 34).

Наиболее важная с точки зрения В.И. Павлова проблема, которую не смогла решить классическая эпистемология, — человек в праве. «Преодоление кризиса новоевропейской концепции субъекта порождает ряд таких постклассических правовых концепций, как антропология права (*постклассическая правовая концепция и даже как целая научная программа*), коммуникативная теория права, феноменология права, юридическая герменевтика, юридическая лингвистика и иные» (с. 35). Отсюда понятен интерес автора к антропологии права, которая объявляется как одно из наиболее интересных (добавлю от себя — эвристически ценных) направлений в юриспруденции. Она (постклассическая антропология права) призвана «переосмыслить традиционную концепцию субъекта права и всего традиционного юридического дискурса, который в своей основе имеет новоевропейские методологические установки» (с. 36). «Принцип человекомерности права — это главное исходное положение и гносеологическая установка антропологической концепции права, предполагающая представление права и правовой реальности только в связи с существующим и действующим в ней человеком».

Эти идеи развиваются во **второй главе** учебного пособия, озаглавленной как «Классические и постклассические правовые концепции. Постклассическая антропология права как универсальная исследовательская программа юридической науки» (с. 40-95). В ней рассматриваются классические и постклассические правовые концепции права (с. 40-50), энергийно-правовой дискурс как авторский вариант постклассической антропологии права (с. 51-68) и собственно антропологический тип правопонимания (с. 69-95).

Идеальными маркерами, по которым та или иная правовая концепция относится к классической или постклассической, по мнению В.И. Павлова, являются те эпистемологические основания, по которым различаются типы научной рациональности. Важнейшим из таких маркеров выступает понятие субъекта права. В связи с этим «при характеристике любой правовой концепции именно выделение антрополого-правового основания, учения о субъекте права, а точнее сказать, подхода к человеку в праве, как он понимается в правовой концепции, может служить надежным критерием идентификации правовой концепции» (с. 43). Если в классических правовых концепциях — естественно-правовой доктрине, юридическом позитивизме, в меньшей степени социологической юриспруденции — субъект права не является центральным методологическим основанием построения концепции права, то в неклассическом правопонимании именно человек признается центром правовой системы.

Затем автор достаточно подробно и обстоятельно излагает основные положения «первых постклассических правовых концепций, созданных в русскоязычной юриспруденции»: феноменолого-коммуникативную концепцию права А.В. Полякова; социолого-антропологическую концепцию права И.Л. Честнова; концепцию правовой реальности С.И. Максимова; герменевтическую концепцию права А.И. Овчинникова; экзистенциально-гуманистическую, логико-лингвистическую концепцию права Ю.Е. Пермякова; философско-правовую концепцию В.П. Малахова; фундаментально-онтологический подход к праву А.В. Стовбы (с. 44-50). Показывая достоинства данных направлений, автор высказывает ряд критических замечаний в их адрес, главным из которых является то, что все они ориентированы на западный стандарт рациональности и игнорирование ценностей восточнославянской культуры. «Несмотря на то что ресурс западноевропейской мысли содержит в себе мощные методологические средства для правового анализа, — пишет В.И. Павлов, — тем не менее он вносит и определенные ограничения. Во многом современные философские концепции отражают социальный опыт и стратегии мышления западной традиции, в то время как цивилизационно-культурная специфика восточнославянского региона нередко игнорируется. Например, в вопросе о правовых ценностях (в контексте учения о соматических правах человека) ориентация на традицию требует прояснения цивилизационно-культурных и аксиологических оснований, находящихся преимущественно в области восточнохристианской традиции. Таким образом, вопрос о ценностях в праве связан для нас с отечественной религиозной традицией» (с. 50).

В связи с этим, автором провозглашается в качестве приоритетной задачи разработка антропологической концепции права (антропологии права), в которой были бы соединены постклассическая рациональность с ценностями восточнохристианской традиции. Этому посвящен проект синергийной антропологии права или «энергийного дискурса антропологии права» (с. 51-68). Под энергийно-правовым дискурсом автор понимает «специальный язык и гносеологическое пространство одной из постклассических концепций современного правоведения — антропологической концепции права (*антропологии права*), связанные с формированием нового способа правового представления на основе новой модели человека в праве» (с. 53). «Само слово “энергия” (др.-греч. ἐνέργεια — действие, деятельность), — пишет В.И. Павлов, — указывает на то, что новый образ человека характеризуется в антропологии права не прежним статичным

понятием “сущность”, которое в правоведеии ассоциируется преимущественно с возможностью абсолютной позитивной правовой нормированности жизни за счет механического приписывания понятию “субъект права” рациональности, а более гибким и динамичным понятием *человек в праве*. В дискурсе энергии человек — это более чем просто рациональный субъект, это совокупность разнообразных человеческих энергий (антропологических проявлений). Иными словами, человек в правовой реальности рассматривается на двух уровнях — и с нормативной, и с фактической сторон своей правовой жизни, что можно еще назвать правовым существованием, практиками правового существования, а также практиками правовой субъективации».

К базовым языковым единицам антропологического дискурса, задающим структуру данной концепции права, автор относит (и затем обстоятельно разбирает в последующих главах работы) следующие: 1) «человек в праве/в правовой реальности»; 2) «правовой человек»; 3) «субъект права»; 4) «личность/личность в праве»; 5) «личностная конституция»; 6) «идентичность»; 7) «субъект»; 8) «субъективация»; 9) «правовая субъективация» («практики правовой субъективации»); 10) «правовое существование» («правовая экзистенция»); 11) «практики себя»; 12) «юридический дискурс»; 13) «дискурсивные юридические практики» (с. 54).

Переосмысление понятия «человек в праве» производится автором на основе «*принципа энергичности*», который означает, что «*дескрипция антропологической реальности должна вестись не в дискурсе сущности, а в дискурсе энергии, бытия-действия*. Человек — это не столько его природа, предзаданная сущность, не только разумный, рациональный субъект, сколько

способ существования, своего рода совокупность человеческих энергий, антропологических проявлений, обнаруживающихся в конкретных антропологических практиках» (с. 59).

Конкретизируется этот принцип рассмотрением человека в праве не только как субъекта права, фактически нормативного человека, а как «*комплексное многоуровневое правовое образование*», складывающееся из трех уровней человеческого существования в правовой реальности:

1. человек в праве,
2. правовой человек,
3. субъект права.

Человек в праве представляет собой все возможные уровни существования человека в пространстве юридического, которых усматривается всего два — правовой человек и субъект права. Правовой человек отражает именно новый энергичный образ человека в праве и представляет собой способ правового существования человека в праве, включающий и личностно конститутивную, и ценностную стороны, влияющие на юриди-

ческое самоопределение и поведение лица в правовой реальности. Это энергично-правовая картина правовой субъектности в актуальной юридически значимой ситуации.

Субъект права — это «нормативный человек», совокупность предписанных лицу через нормы объективного права статутных и субъективных прав и обязанностей, то, что обычно выражается через понятия «правовой статус» и «правовое положение» (с. 63).

В современной философии, указывает автор, для изучения структур формирования субъектности человека были выработаны специальные понятия, в частности, понятие «субъективация». «*Субъективация — это процесс становления субъекта, становящаяся субъективность*» (с. 65). В связи с этим возникает «универсальная проблема выстраивания нового типа субъектности», которая «заключается в том, чтобы раскрыть конституцию и идентичность человека в их внутреннем механизме как события, динамические факты; описать их в измерении бытия-действия, где размещаются акты и ростки актов». Под «*личностной конституцией человека*» автор понимает «*состояние формирующих структур (свойств) личности человека и выражающих себя в определенном способе его существования, бытия-действия*. Личностная конституция, разворачиваясь в жизненном пространстве, выражает себя как определенная модальность экзистирования, бытия-действия человека» (с. 66). «*Личностная же идентичность*» определяется как «*акт самоудостоверения человека, осуществляемый на уровне самосознания не в плане самотрансцендентализации, а в качестве техник жизни, опытно самоартикулированных способов существования*». В завершении рассмотрения «человека в праве» В.И. Павлов формулирует «динамическое» определение личности (в праве): «*Личность представляет собой несводимую к природе, свободную, сознательную, открытую, творческую, уникальную, целостную в смысле неделимости и нерушимой идентичности онтологическую основу человека, определяющую способ бытия его индивидуализированной природы*. В этом понятии важен не сущностный, а динамический аспект личности, который в целом можно охарактеризовать как «способ бытия», образ существования человека с точки зрения направленности его антропологических проявлений» (с. 67). Отсюда иной подход — по сравнению с классическим (картезианским) — к определению сознания: это не конституирующее человека автономное трансцендентальное основание, но «поле энергичных образований, которые при этом находятся в специфическом состоянии разомкнутости — по отношению к миру как таковому, Богу, другому лицу, ко всему тому, что в постклассическом философском дискурсе именуется “разом-

кнутостью к Другому». Причем принципиально то, что разомкнутость не трансцендентальная позиция, акт сознания как простое отражение объективной реальности, — она достигается фактичностью антропологических практик, ситуацией присутствия человека в мире» (с. 67-68).

Затем автор переходит к сопоставлению классических типов правовопонимания с постклассическими правовыми концепциями (в том числе с антропологией права). При этом заявляется, что выявить основные различия между ними можно с помощью концептуального понятия «сущность», поскольку, будучи примененным к праву, оно задает способ его понимания, что отражено в классических концепциях. «Сущность права» как языковая единица классического юридического дискурса предопределяет способ понимания права, предполагая наличие априорного основания права как некоей правовой подлинности, априорного правового эталона (с. 69). Главное же положение антропологического типа правовопонимания «заключается в том, что с антропологической точки зрения у права нет и не может быть какой-либо субстанциальной основы, некоего места, топоса права наподобие сущности права, в котором бы целю заключалась изначальная правовая подлинность, правовой эталон» (с. 70). Согласно постклассической методологической позиции само бытие должно рассматриваться не в качестве основания сущего, а в качестве сопричастного данному сущему существованию. Это и есть то, что в постклассическом дискурсе человека получило название «бытие-действие». Такая трансформация правового познания приводит автора к следующему заключению: «...правовая подлинность, с точки зрения антропологии права, понимается не как сущность права, заданная в качестве основания, топоса права, “места правового”, но как правовое существование. Правовое существование при этом не тождественно понятию действия права или правового регулирования, поскольку эти традиционные юридические понятия создают представление о функционировании права как последовательной реализации его сущности.

Антропология права связывает выявление главного в праве, критерия правового через правовое существование в едином правовом комплексе, который представляет собой синтез трех взаимосвязанных элементов правовой реальности: человека в праве, нормы права, факта правовой жизни» (с. 73). «Правовое существование в антропологическом смысле ... обозначает не отвлеченное, а конкретное фактическое рассмотрение действия правила поведения в ситуации его встречи с человеком в праве и фактом правовой жизни в случае актуализации этих элементов правовой реальности. Иными словами, в актуализированном правовом существовании вскрывается правовой смысл нормы права вовлеченным

в ситуацию лицом (лицами), определяется способ интерпретации нормы права, обнаруживаются те ценности и предпочтения, которые лицо вкладывает в эту норму права, его подход к пониманию факта правовой жизни — разбираемой жизненной ситуации, влияние практик правовой субъективации лица (особенно в случае властно уполномоченного лица) на восприятие и интерпретацию нормы права и факта правовой жизни, в том числе в плане ценностного определения параметров нормы и факта, влияние общего порядка юридической рациональности в той сфере, в которой ситуация имеет место, и т.д.» (с. 74-75).

Постклассическое антропологическое правовопонимание конкретизируется автором через формулирование и раскрытие понятий фундаментальной важности «правовой реальности», «правовой действительности» «существования права» и «правовое бытие». Правовая реальность — это «объективно существующий мир права в совокупности всех составляющих его материальных и идеальных элементов, которые можно разделить на необходимые, базовые (это выделение осуществляется в зависимости от той или иной правовой концепции) и производные, зависящие от базовых и обусловленные ими» (с. 77). Правовая действительность — это право в действии, данное человеку в практическом выражении. Правовая действительность складывается из актуализированных элементов правовой реальности, выраженных практически. Не всякий элемент правовой реальности, полагает автор, обладает реально выраженной значимостью и действием, хотя он и составляет правовую реальность как целостный мир права (например, недействующая правовая доктрина прошлого, «спящая» норма права и т.п.). «Правовое существование (или правовая экзистенция) — это процесс пребывания человека в правовой реальности в процессе соотношения с нормой права и фактом правовой жизни» (с. 79). «Правовое бытие — это способ выражения права как явления в целом, который характеризует его с позиции встречи человека в праве с такими составляющими правовой реальности, как норма права и факт правовой жизни независимо от их актуализации» (с. 80). При этом правовое бытие с антропологической точки зрения раскрывается через правовое взаимодействие, «которое можно назвать совместным правовым бытием, “бытие с Другим” (с “Другим” в самом широком юридическом смысле)» или со-бытие (с. 84). Именно правовое со-бытие задает практическое измерение антропологии права.

Завершается анализ антропологического правовопонимания формулировкой и раскрытием его основных характеристик: 1) антропологическая связанность (человекомерность); 2) нормативность; 3) погруженность в правовую жизнь; 4) динамизм (становление); 5) про-

цессуальность; 6) со-временность; 7) конкретность; 8) ситуативность (с. 89-92).

Изложенные положения синергийной (или энергийной) антропологии права конкретизируются автором в последующих главах применительно к анализу субъекта права, нормотворчеству (конструированию права), норме права, реализации права и юридической ответственности, а также к норме правоотношению. **Третья глава** посвящена проблеме субъекта права в современной юридической науке сопоставлению классического и постклассического подходов к анализу субъекта права (с. 96-151). В ней рассматривается историческое формирование классических концепций субъекта и личности в праве, обозначенное как «Археология субъектности в праве» (с. 96-105), формулируется концепция субъекта права в постклассическом правоведении и основы теории правовой субъективации (с. 106-116), излагается концепция личности в праве в постклассическом правоведении (с. 117-136), рассматривается вопрос о личности в праве в процессе реализации правовых ценностей, о справедливости как базовой антрополого-правовой ценности (с. 137-151).

Анализируя классическую модель человека, В.И. Павлов приходит к выводу: «Не теоретическая мысль сама по себе, а именно жизненные события и явления указали на несоответствие классической модели человека его фактическому положению в обществе. Уже в первой половине XX в. на это обратили внимание феноменология, фундаментальная онтология и зарождающийся экзистенциализм. Вторая половина XX в. стала временем социального и антропологического кризиса, что создало почву для рождения феномена постмодернизма.

В чем конкретно выразился гуманитарный кризис права на Западе? По мнению белорусского ученого, он связан с тем, что в области права провозглашались права и свободы личности, декларируемые как высшая ценность общества и государства, однако после двух мировых войн стала явственной проблема распада личности, «исчезновения» («смерти») человека, утраты им личностной идентичности и конституции; быстро распространялась идея соматических прав человека; человек утрачивал способность самоидентификации и этической определенности, которую еще И. Кант признавал трансцендентальным условием субъекта. Не только юриспруденция, но искусство, медицина, технические науки, экология, природоведение и другие области знания, основанные на новоевропейских установках, столкнулись с утратой методологических ориентиров и понимания телеологии развития своей области знания применительно к феномену человека.

В юриспруденции стала весьма заметной тенденция искажения понимания свободы личности в контексте происходящих глобальных экономических и политических процессов (с. 99-100). Гу-

манистическая модель человека Нового времени, делает вывод автор, как субъекта воспроизводится в субъектно-объектной модели в праве, стабилизированной нормой в правоотношении, что способствует исключению из поля юридических практик реальной динамики межчеловеческих взаимодействий (с. 104).

С точки зрения постклассической антропологии права, по мнению В.И. Павлова, субъект права уместно трактовать как «человек в праве», содержание которого раскрывается через понятие «правовая субъективация», понимаемое как антропологическая юридическая практика, модель поведения человека, через которую он вырабатывает личностно-конститутивное и ценностное отношение к правовой жизни в целом, своему правовому статусу и правовому положению в частности, в том числе и конкретной юридически значимой ситуации, в которой он оказывается» (с. 107). «Правовая субъективация — это способ отношения человека с самим собой юридическим; это определенная практика себя как человека юридического, которая органично связывается с общим строем личностной конституции и внутренней ценностной среды человека, с общим строем его личностного существа. Правовая субъективация — это преимущественно и первично внутренний процесс становления человека юридического, обуславливающий его внешне объективированную деятельность, правовое существование в правовой реальности в целом» (с. 109). Через развертывание процесса правовой субъективации автор показывает «антропологический процесс формирования человека в правовой реальности» следующим образом:

1. формирование личностной конституции и ценности в процессе практик себя (неюридический аспект формирования лица);
2. конститутивное и ценностное распространение личностных содержаний на факт правовой жизни и другое лицо (лица), а также на свои и корреспондирующие субъективные юридические права и обязанности;
3. формирование правосознания (рефлексивной правовой позиции) относительно факта правовой жизни, другого лица, его юридических прав и обязанностей и нормы права;
4. юридически значимые действия лица как субъекта права (с. 112).

Проведя достаточно подробное рассмотрение понимания личности в рамках восточнохристианской антропологической модели, автор формулирует следующие характерные признаки личности: несводимость к природе, свобода и нравственность, открытость, творчество, уникальность, целостность, непознаваемость объективирующими методами. Признаками новой (в сравнении с клас-

сической концепцией личности в праве) модели личности, по его мнению, являются:

1. личность не тождественна сущности (природе человека); личность — это способ существования человеческой природы;
2. личность не может быть задана нормативно в силу ее неэссенциальной, энергичной формы бытия;
3. личность в силу ее денормативности не может быть задана как формализованный точный критерий истины-достоверности бытия;
4. личность в силу особой формы ее бытия не может возникать из социальности, скорее, социальность принадлежит личности;
5. человек по отношению к личностной форме бытия в ее идеальном значении изначально неполон, неличностен, хотя у всякого человека есть потенциал личностных свойств;
6. ситуация личностной неполноты человека не данность, а экзистенциальное задание по обретению личностной формы бытия;
7. обретение личного бытия, преодоление изначальной неполноты достигается энергичным со-бытием с Другим, которое обладает полнотой бытия (с. 132-133).

Отсюда, дефиниция личности в праве: это несводимая к природе, свободная, сознательная, открытая, творческая, уникальная, целостная в смысле как неделимости, так и нерушимой идентичности, онтологическая основа человека, определяющая такой способ бытия его индивидуализированной природы, при котором правовое существование человека направляется к справедливости как высшему правовому благу (с. 133).

Важным представляется следующий пассаж, сформулированный в работе: «Личностные формы правового бытия могут выступать эмпирическими критериями, идеальными образцами правового существования, идеальными практиками правовой субъективации в рамках конкретной национальной правовой системы. В ряд личностных форм правового бытия включаются лишь те практики, которые отвечают за формирование нравственно свободных, личностно-бытийных типов правового поведения, основной характеристикой которых является свобода в вышеуказанном личностном нравственном смысле. Такие практики в контексте государственно-правовой жизни приносят мир, социальное согласие, минимизируют периоды нестабильности в развитии общества и государства и т.д. Фиксация и различение опыта всех практик правовой субъективации (как личностных и неличностных) способствуют определению критериев целеполагания для правового регулирования общественных отношений с позиции идеальных целей права, рассматриваемых в антропологическом контексте. В частности, де-

ятельность законодателя должна ориентироваться именно на личностно-бытийные практики правовой субъективации» (с. 136).

Завершается глава параграфом о правовой аксиологии и справедливости в праве, рассматриваемой на личностном, социальном и нормативном уровнях.

В **четвертой главе** раскрываются классические и постклассические подходы к правотворческой деятельности и нормативно-правовому конструированию (с. 152-176). В ней, в частности, изложены теория правотворчества в классических и постклассических концепциях права, классическая структура нормы права и ее проблематизация, новая аналитическая модель нормы права, понятие нормативности в праве, нормативность в контексте постклассической правовой теории, значение постклассических подходов к правотворческой деятельности для современной юридической науки и практики.

С точки зрения антропологии права, указывает В.И. Павлов, при построении антропологической структуры нормы права следует учитывать современные лингвистические понятия «знак», «текст», «смысл», «означающее/означаемое», «значение/смысл». Основной методологической установкой антропологии права, по его мнению, является стремление удержаться между реальностью знака и смысла (с. 159).

Методологическую установку при определении «антропологической структуры нормы права и права в целом» автор выражает следующим образом: «Право не есть текст (в традиционном понимании), но без текста существование права невозможно». Следовательно, в антропологической концепции права предлагается различать два значения, две составляющие нормы права: текстуальное значение нормы права и смысловое значение нормы права. Текстуальное значение нормы права автором понимается традиционно юридически как документарное знаковое выражение правила поведения в нормативном правовом акте либо ином источнике права. Смысловое же значение нормы права, по мысли ученого, требует его актуализации субъектом понимания, осуществляемой на уровне правового существования, в том числе на основе личностных свойств субъекта. Правовой смысл нормы права есть актуализация знакового выражения нормы права субъектом понимания, которая осуществляется на уровне правового существования, исходя из личностных свойств субъекта. Более того, правовой смысл нормы права как юридического знака всегда есть способ понимания и схема развертывания правового концепта, в который концентрированно включены идея, ценность конкретной нормы права (с. 160). Такой подход «антропологически ориентирует юридическую технику и весь технико-юридический дискурс, поскольку норма права находится уже не только в об-

ласти объективного права и постфактум истолковывается субъектом права. *Норма права в определенном смысле присутствует и в самом субъекте*: она рассчитана на то, чтобы стать и своего рода нормой субъекта права, его внутренним регулятивным принципом» (с. 162).

В этой же главе достаточно интересно описывается воля законодателя и правоприменителя в механизме конструирования и воспроизводства права.

Значительный интерес представляют «*концептуальные методологические положения*, раскрывающие значение постклассической антропологии права *для современной теории правотворческой деятельности*». Они сводятся к следующим положениям.

1. Норма права всегда субъектно обусловлена и субъективна.
2. Норма права неявно содержит в себе образ субъекта права (человека в праве).
3. Норма права отчасти может рассматриваться и как норма субъекта права.
4. Конструкция нормы права предполагает смысловое и текстуальное значения (с. 172-173).

Отсюда автор выводит положения о практическом значении антропологического подхода к правотворческой деятельности.

1. Законодатель при создании юридических конструкций, дефинировании понятий и т.п. должен ориентироваться не только на схватывание знаково-текстуального значения нормы, но и на смыслопорождающую функцию своей деятельности.

2. Юридико-технический способ, позволяющий обеспечить наполнение нормы права антропологическим содержанием, заключается в процессуализации права, придании ему динамического характера, стирании границы между материальным и процессуальным правом. Концептуальным понятием такого подхода может служить термин «право-процесс».

3. Правотворческая деятельность должна рассматриваться и осуществляться с учетом специфики антропологических практик определенной цивилизационно-культурной традиции, сформировавшейся и существующей в рамках правовой системы.

4. Технически эффективные инструменты правотворчества сами по себе не оцениваются как достаточные средства для повышения качества правового регулирования (с. 73-175).

В пятой главе речь идет о теоретико-методологических проблемах реализации права и о постклассической модели юридической ответственности (с. 177-207). Начинается данная глава с анализа юридической практики. Основная особенность антропологического подхода к юридической практике, по мнению В.И. Пав-

лова, заключается в том, что здесь «приоритетны не столько институциональные правовые образования (в частности, система законодательства) либо даже система правовых отношений, определенный правовой порядок и т.п., сколько человекомерные, жизненно конкретные характеристики юридического, на фоне которых функционируют эти институциональные образования. Иными словами, речь идет об анализе практик правового существования человека в праве, которые можно объединить в одно родовое понятие «юридическая дискурсивная практика»» (с. 179).

Основное отличие традиционного понятия «юридическая практика» от понятия «юридическая дискурсивная практика/практики» автор видит в том, что в поле юридических дискурсивных практик как практик правового существования человека происходит не столько реализация, сколько становление, довершение нормативной системы права, создание нормативного пространства правовой регламентации (с. 181). Структурными элементами юридической дискурсивной практики, по мысли автора, являются:

1. практика языка юридической рациональности;
2. сопровождающее ее юридически значимое поведение;
3. человек в праве (агент юридического дискурса);
4. нормативная система права (с. 183).

Важным разделом рецензируемого учебного пособия является анализ юридической ответственности, проводимый автором на сопоставлении классической ее теории и постклассической, антропологической (с. 187-207). Так, ученый констатирует: «*Первое проблемное положение классической модели юридической ответственности* заключается в том, что данная модель разработана на институциональной основе. Все основные конструкции юридической ответственности направлены на обеспечение нормативного механизма реализации юридической ответственности, то есть реализацию нормы охранительного права. Само правонарушение в этой модели понимается формально и нормативно, как нарушение правовой нормы субъектом права — правонарушителем. С этим связывается эффективность ответственности и законность как принципы ее осуществления, целевая направленность и критерий оценки ее реализации» (с. 191). Второе проблемное положение классической модели юридической ответственности связано с ее телеологией, правовым смыслом и социальным назначением.

Антропологический подход к праву, отстаиваемый в рецензируемой работе, в отличие от классической модели ответственности «предполагает более широкое раскрытие феномена юридической ответственности как юридической фиксации реакции человека в праве в процессе его правового

существования на запрос права и правопорядка, в том числе реакции, включающей в себя и совершение правонарушения. В антропологии права юридическая ответственность может, таким образом, определяться как процесс правового существования человека в праве (в аспекте определенной расположенности его к правопорядку), выявляемый через совершение правонарушения. Признать ответственность лишь как претерпевание лицом карающих мер юридического воздействия после правонарушения согласно антропологии права недостаточно, поскольку в этом случае лицо рассматривается в институциональной форме через отношение к правопорядку только после совершения правонарушения. Следовательно, юридическая ответственность в контексте процесса правового существования человека в праве в аспекте определенной расположенности его к правопорядку предполагает изучение практик правового существования лица в трех временных параметрах:

- а) до совершения правонарушения;
- б) после совершения правонарушения;
- в) в момент совершения правонарушения» (с. 191).

Антрополого-правовая модель, продолжает автор, состоит в том, чтобы «рассмотреть телеологию, направленность и эффективность реализации ответственности не только через институциональную реализацию процедуры ответственности, но, главным образом, раскрыть расположение и процесс реакции человека в праве по отношению к правопорядку в смысле личностного конститутивного отношения к правовым параметрам, в которых ему приходится существовать. Юридическая ответственность, понимаемая как реакция субъекта на правовой порядок, правовое сообщество как социальное целое, должна извлекаться не только из факта нарушения правила поведения, но и из структуры и основоустройства самого человека в праве и его правового существования» (с. 193).

С позиций антропологии права в работе дается оригинальная трактовка правонарушения — как факта негативного личностного отношения к правопорядку, обусловленного нравственно упречными личностными юридически значимыми содержаниями, проявляющимися в процессе правового существования и выразившимися в нарушении норм права (с. 195, 200). Одновременно чрезвычайно интересны рассуждения автора о понятии вины (с. 202-205).

Шестая глава учебного пособия посвящена соотношению классических и постклассических подходов к учению о правоотношении (с. 208-242). В этой главе автор рассматривает проблемы определения правоотношения в классической теории права, относящиеся к понятию «общественное отношение», «объект правоотношения», «абсолют-

ные и относительные правоотношения», «охранительные правоотношения» и др. В результате автор приходит к выводу, что правоотношение как конструкция имеет пределы в объяснении действия права в сфере правоприменения. Можно сказать, что правоотношение операционально не предназначено для вскрытия существа этой юридической деятельности, и это понятно, ведь данная юридическая конструкция рассчитана в первую очередь на анализ соответствующей деятельности по образцу цивилистической практики, в рамках которой учение о правоотношении и сформировалось. Следовательно, одна из основных проблем теории правоотношения заключается в ее локальной методологической продуктивности и необходимости обозначения познавательных границ (с. 227).

Антропологическая постклассическая концепция правоотношения, по мнению В.И. Павлова, исходит из методологической установки, которая заключается в следующем: «выявить максимально приближенную к опыту правового существования позицию лиц, находящихся в правоотношении. В правовом отношении важны не только корреспондирующие субъективные права и обязанности сторон, но и процессы правовой субъективации, раскрывающие правовой смысл и ценностные характеристики юридической связи субъектов, в том числе и применительно к субъективным правам и обязанностям» (с. 235). Использование понятия правовой субъективации применительно к конструкции правоотношения, по мысли автора, «способствует углубленному пониманию реального протекания правового взаимодействия, преодолевает формализм поверхностного изображения обмена взаимными правами и обязанностями, вводит через личностные структуры ценностно-правовое измерение правоотношения, а также требует выделения в качестве признака и, возможно, элемента правоотношения внутреннего расположения субъектов в правоотношении — вероятно, в случае более доскональной проработки этого вопроса» (с. 236).

Антропологический анализ конструкции правоотношения, таким образом, позволяет:

- а) описать правовую связь сторон правоотношения более полно, нежели только через права и обязанности, основываясь на понимании права как правового бытия;
- б) показать в правоотношении влияние личностных структур человека в праве на принятие им юридически значимых решений;
- в) более полно раскрыть все возможные факторы, влияющие на реализацию конкретного варианта поведения в рамках правоотношения;
- г) раскрыть не нормативно обусловленные, но юридически значимые антропологические содержания (в частности, правовые ценности);

д) получить более эффективную, действенную модель правоотношения, особенно в случае «упречного правоотношения» для разрешения правовой ситуации (с. 236-237).

При этом ученый приходит к выводу «продуктивности использования понятия юридической деятельности в качестве альтернативы понятию правоотношения». Это связано с тем, что «хотя правоотношение и задает рамочное условие юридической деятельности, однако антропология предлагает в этом случае рассматривать не столько сугубо нормативное, сколько комплексное антропологическое содержание деятельности человека в праве, притом что оно подчинено юридической деятельности, целям правового регулирования и обнаруживает себя в личном ценностном позиционировании через такие процедуры, как правоприменительное усмотрение, толкование права, применение аналогии в праве и т.д.».

Правоотношение в рамках антропологического типа правопонимания, подводит итог автор, «следует понимать *правовое общение двух и более лиц по поводу права и на основании нормы права относительно факта правовой жизни, рассмотренное посредством практик их правового существования, указывающих на восприятие юридической связи этими лицами, в том числе в части их ценностно-правового расположения к собственным взаимным субъективным юридическим правам и обязанностям, которые они в данном отношении реализуют в фактическом поведении.* ... В антрополого-правовом отношении *главным и первичным, начальным во времени выступает, как правило, не столько норма объективного права, которая содержит модель поведения субъектов правоотношения и обеспечивает юридизацию отношения, его юридический субстрат, сколько тип правовой субъективации этих лиц, включающий в себя и их ценностное позиционирование, расположение к взаимным субъективным юридическим правам и обязанностям и друг к другу в конкретной юридически значимой ситуации* (с. 238-239).

Приведенное реферативное изложение основных положений рецензируемого учебного пособия позволяет смело заявить, что перед нами удачная попытка систематического изложения основных положений авторской концепции теории права, основанной на синергичной постклассической антропологии права. Полагаю, что вышедшее учебное пособие, с некоторыми оговорками, можно поставить в один ряд с работами А.В. Полякова (в том числе, в соавторстве с Е.В. Тимошиной), С.И. Максимова, А.В. Стовбы и других сторонников «постклассики». При этом принципиально важно, что автор не ограничился рассмотрением лишь общеметодологических (или общетеоретических) положений своей оригинальной кон-

цепции (что само по себе эвристически значимо), но показал, как можно использовать эти основания для практических нужд юриспруденции. Очевидно, что на это повлияли не только ведомственная принадлежность В.И. Павлова, но и его опыт практической работы в правоохранительных органах.

Однако, несмотря на очевидные достоинства авторской концепции постклассической антропологической общеправовой теории, позволю высказать ряд критических замечаний.

Полагаю, что «систематичность» изложения материала — это несколько завышенная оценка или — аванс, выдаваемый автору, который, уверен, будет им реализован в новых публикациях. Речь идет о том, что многие важные темы, относящиеся к курсу под названием «Проблемы теории государства и права» остались без рассмотрения. Среди них следует назвать теорию государства, систему права, правовую культуру и др. Понимаю, что объем учебного пособия ограничен, но в таком случае следовало бы оговорить выбор именно тех тем, которые хорошо и обстоятельно рассмотрены в работе.

Второе замечание касается недостаточно четкого обоснования понятия права в антропологической перспективе в его сопоставлении с иными нормативными системами (моралью, религией и т.п.).

Далее следует заметить, что механизм социального конструирования права (нормотворчество) изложен несколько однобоко. Хорошо показано, что законодатель (в широком смысле слова) должен учитывать «человокомерность» правовой реальности. Но как именно это происходит, как, например, формируются правовые обычаи или юридические практики, играют ли в этом процессе хотя бы какую-то роль внешние факторы (политика, экономика и др.)? Полагаю, что этот вопрос достоин внимания и специального рассмотрения.

Не могу согласиться с автором в его трактовке личности, которая «в силу особой формы ее бытия не может возникать из социальности — скорее, социальность принадлежит личности» (с. 133). В таком случае как же формируется личность, как складывается ее идентичность как важнейшая составляющая? Отчасти этому заявлению противоречит изложение автором процесса субъективации.

Отмеченные замечания, конечно, высказаны в порядке дискуссии и не умаляют несомненных достоинств рецензируемой работы, но, возьму на себя смелость предположить, могут послужить дальнейшим творческим успехам автора.

Список литературы

1. Павлов В.И. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Минск: Академия МВД, 2017. 262 с.

Postclassical Anthropological Theory of Law in the Systematic Presentation of V.I. Pavlov: Review of the Textbook Pavlov V.I. «Problems of the Theory of State and Law». — Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs, 2017. — 262 p.

Chestnov I.L.,

Doctor of Law,
Professor of the Department of Theory and History
of State and Law of the St. Petersburg Law Institute
of the Academy of the Prosecutor General of the RF
E-mail: ilchestnov@yandex.ru

***Abstract.** The article gives a summary of the main provisions of the textbook V.I. Pavlov «Problems of the theory of state and law». Of particular interest is the author's concept of postclassical anthropology of law. The work details the postclassical understanding of the law. Anthropology of law is revealed as a human dimension of law. It is important that the author shows the possibilities of applying his concept to practice.*

***Keywords:** postclassical anthropology of law, theory of state and law, classical and postclassical methodology of law, legal understanding, personality, person in law, legal relationship, subject of law.*

References

1. Pavlov V.I. Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnoe posobie. Minsk: Akademiya MVD, 2017. 262 s.

